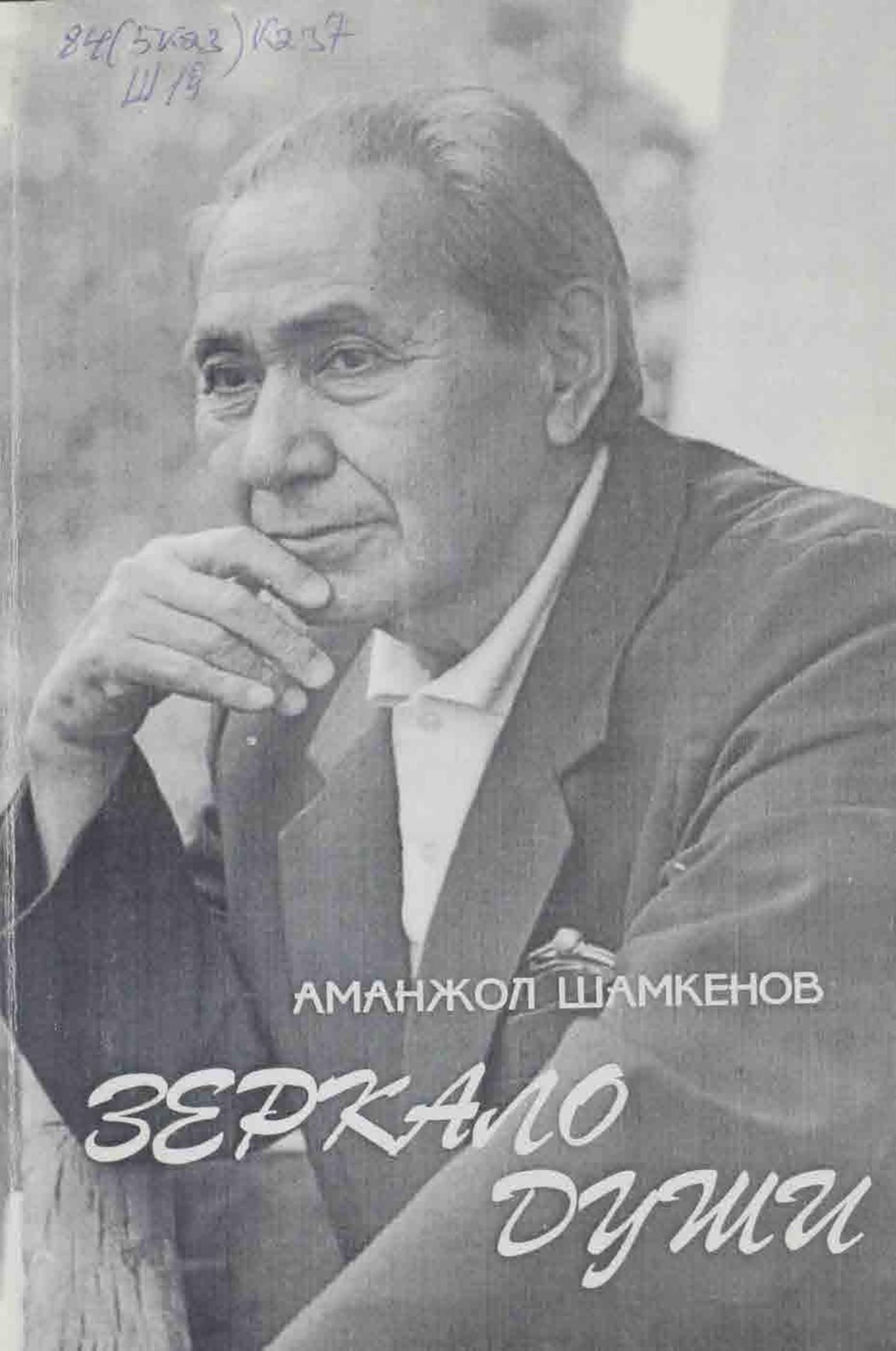

84(5квз)К237
Ш/9

АМАНЖОЛ ШАМКЕНОВ

ЗЕРКАЛО
СУЖИ

29(3) кваз) № 3
11/19

Аманжол Шамкенов

ЗЕРКАЛО ДУШИ
СТИХИ

Перевод с казахского

Чындо!

АЛМАТЫ
ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ «ЖИБЕК ЖОЛЫ»
1998

Павлодарская областная
библиотека
им. С. Торайгирева

ББК 84 Каз 7-5
Ш-19

Шамкенов А.

Ш-19 Зеркало души: Стихи /Пер. с каз. яз. – Алматы:
Жибек жолы, 1998. – 104 стр.
ISBN 9965-425-24-8

Известный поэт, драматург, писатель, лауреат Международной премии имени Джавахарлала Неру Аманжол Шамкенов – автор сорока восьми книг стихов и поэм, пьес и рассказов.

Многие книги переведены на русский и другие языки народов СНГ.

ББК 84 Каз 7-5

Ш—
4702250202-10
430 (05) 98 Без объявл.

ISBN 9965-425-24-8

© А. Шамкенов, 1998
© Жибек жолы, оформление, 1998

Автор и издательство выражают благодарность Президенту Акционерного общества «Кулагер» Башарову Мейраму Башаровичу за содействие в издании книги.

Известный поэт, лауреат Международной премии имени Джавахарлала Неру Аманжол Шамкенов родился в Иртышском районе, в самом северном районе Павлодарской области, где седой Иртыш несет свои легендарные воды дальше на север, омывая крутые берега омских земель. Места здесь хлебные и благодатные. После весеннего половодья заливные луга покрываются изумительным ковром разнотравья и россыпью степных цветов.

Душа иртышанина в эти весенние дни полна степных напевов. А душа поэта?..

Я помню — песни еще не пелись,
но пес мне тайны шептал мохнато,
была загадочная в нем прелесть,
он и поныне волнует свято...

А из-за леса — то приглушенно,
то звонкой песней необъяснимой —
он отзывался, качая волны,—
Иртыш могучий, неукротимый!..

— напишет спустя десятилетия о родной своей земле поэт Аманжол Шамкенов.

Более пятидесяти лет назад появились на страницах казахстанской печати стихи Аманжола Шамкенова, привлекшие внимание литературной общественности. Вскоре вышли в свет поэмы «Моя жизнь», «Сын Иртыша», «Степная легенда», трилогия «Рассвет над джайлую», «Солнце над джайлую», «Вечер над джайлую», оцененная известными учеными, критиками как роман в стихах. Шамкеновым написаны более тридцати пьес, среди которых «Заблудившийся гусь», «Найду тебя», «Ты не одинок», «Уполномоченные», «Майор Майданов», «Куралай сулу». Он является автором

рассказов «Над волной», «Утро в степи», «Голос младенца», «Намасте, Индостан», «Дыхание жизни». После поездки в ряд зарубежных стран опубликовал заграничные циклы стихов об Индии, Афганистане, Турции, Ираке, Йемене, Греции. Около ста стихотворений поэта переведены на музыку. За эти годы Аманжол Шамкенов издал сорок восемь книг стихов и поэм, пьес и рассказов.

Поэзии Аманжола Шамкенова присуще отточенное мастерство, восточная красочность стиха, раздумья о времени и о пути своего народа. Стихи поэта патриотичны, окрашены радостью бытия, уверенностью в завтрашнем дне.

Аманжол Шамкенов активно работает и в жанре художественного перевода. Им переведены на казахский язык стихи Г. Гейне, А. Пушкина, М. Лермонтова, А. Блока, С. Есенина, М. Исаковского и многих других поэтов из разных стран.

Аманжол Шамкенов принимает активное участие в общественной и культурной жизни республики, в воспитании литературной смены. В настоящее время он является председателем Общества Казахстан – Индия.

Поэтическая книга «Зеркало души» вобрала в своем отраженном ракурсе те стихи Аманжола Шамкенова, без которых невозможно представить грани его поэтической судьбы и поэтического бытия.

Бахытжан Канапьянов.

ЗЕРКАЛО ДУШИ

Не убежден, что стал я знаменитым,
 Что всеми оценен наверняка.
 Но про меня
 Поведает открыто,
 Как зеркало души, моя строка.

Моя строка!
 Я ею окликаю
 И ширь рассвета, и ночную тьму.
 О чем грущу? Чего я избегаю?
 Что ненавижу я и что люблю?

В любом из нас находятся по праву
 Достоинств ряд
 И недостатков ряд.
 Что мне по духу?
 Что мне не по нраву?
 На что сержусь я и чему я рад?

Когда и где я выгляжу усталым?
 В чем несогласен я с судьбой самой?
 Пускай не в главном,
 Но хотя бы в малом
 Помог ли я тебе, читатель мой?

И стал ли оттого я знаменитым?
 И оценен ли был наверняка?
 Пусть про меня
 Поведает открыто,
 Как зеркало души, моя строка.

ДОБРОТА

Давай-ка поглядим на вещи шире.
Читатель мой, ты знаешь:
Нет цены
Богатствам тем, какими в этом мире
Мы все природою одарены.

Одарены. И все же, как ни странно,
И там и тут встречаешь иногда
Людей с характерами — как бураны
Или как мертвенные холода.

И тут и там чиновные натуры
Встречаешь — перестройке вопреки,—
Чьи лица и сердца темны и хмуры,
Как небеса в осенние деньки.

Но люди есть: иное настроенье
Владеет ими на виду у всех.
Им свойственны весеннее волненье,
И доброта, и солнечность, и смех.

Они за то, чтоб больше было света
И чтоб всегда манила высота,
Сердцами на весну нас и на лето
Пристрастно обращает доброта.

И от корней уходят сновиденья.
И в том значенье лета и весны,
Что неодушевленные явленья
Бывают ими одушевлены.

Все выше устремляясь
И все дальше,
Те, кто похож на лето и весну,
Без громких заверений и без фальши
На новый путь влекут мою страну.

Страну великих сдвигов и пропорций.
Страну, где за чертой лежит черта.
Она сближает степняков и горцев,
Простая
И святая доброта.

Она стремится из тебя наружу
Вне всех команд.
Но даже и в ночных
Твою при этом трепетную душу
Она купает в солнечных лучах.

В веках
Ее неисчерпаем гений.
Она тебя спасает от беды,
Хранит весь мир от горя и лишений.
Что люди делали бы без доброты?

Во всем она судья, за все — ответчица,
Будь это траур или торжество.
Я славлю доброту и человечество,
Явь солнечного края моего.

ТОВАРИЩ ПРАВДА

Хоть правда солнечного Октября
И позвала нас в солнечные дали,
Немало лет, по правде говоря,
Мы именно о правде горевали.

Испытывали силу кулака,
Невежества испытывали силу,
Но как бы ни была она горька,
Из темноты нас правда выводила.

Определяла мирное житье,
Определяла мысли наших буден.
Товарищ правда!
Именем ее
Различные попользовались люди.

Они теснили правду из сердец,
Слова разменивали на словечки.
И не мудрец порою, а наглец
К победе шел.
А ты терял уздечки...

Дается нелегко
Любой успех.
И каждый смелый шаг.
И чувство долга.
Товарищ правда!
Ты сильнее всех!
Но помни: человек живет недолго...

На нас сегодня смотрят
Друг и враг,
Оконца юрт и окна светлых зданий.
Товарищ правда!
Торопи свой шаг,
Не отставай от наших ожиданий!

ОДНО СЛОВО

Слово нас воспитало, поставило в строй,
 И не зря, видно, предок изрек:
 «Слово кость перебьет, словно палка, порой,
 Бойся слова дурного, сынок!»

А наступит свой час и уйдет человек,
 Этот мир оставляя другим,
 Только слово его оправдает навек,
 Славу часто развея, как дым.

А случится разлад или тяжба племен,
 Где два мненья сшибутся в упор,
 То мгновенно на стыке судеб и времен
 Может слово решить этот спор.

«Ветер камни стругает и гор не щадит,
 Точно так же и слово – людей» –
 В поговорке вот этой предельно открыт
 Справедливый закон наших дней.

А порою оно колобродит внутри,
 Слово-нечисть, и слово-грязца,
 Ты тогда добрым словом всю грязь ототри,
 Чтобы снова лучились сердца.

Чтобы свет бесконечной людской доброты
 Осветил нашу землю навек,
 Человечество шло сквозь раздор немоты,
 Звал друзей за собой человек.

Если вытопчет буйную зелень души
 Неожиданный вихрь клеветы,
 Ты не медли, мой друг, произнесь поспеши
 Слово-дар, талисман красоты.

Путеводное слово поможет тогда
 Испытания все одолеть,
 И в мгновенье прессуя века и года,
 Вмиг отступит безмолвная смерть.

Есть слово у народа тяжеле камней,
 Чтоб мерзавцев иных заклеймить,
 И – слова, словно пух, чтоб окутать нежней
 Тех, кто может любить и творить.

Льется речи родной бесконечная нить,
 С ней мы ревво по жизни бежим,
 Слово может мгновенно чужих породнить
 Или близкого сделать чужим.

Слово может мгновенно развеять печаль,
 Может ревность прогнать без следа,
 Слово может такую поставить печать,
 Что ее не стереть никогда.

Если доброе слово услышишь порой,
 Вдохновенье тебя вознесет,
 И тогда ты – мудрец, и тогда ты – герой,
 И душа от удачи поет.

Слово может и пеплом посыпать главу,
 И убитого вновь воскресить,
 Эликсиром бессмертия оно наяву
 Может лучших из нас напоить.

И не надо подсчитывать, кто с кем знаком,
 Чьи на славу законней права,
 Просто будем беречь свою землю, свой дом
 И беречь золотые слова.

ДРЕВНИЕ И МЫ

Хоть эта наша жизнь — всему основа,
Прошедшие по ней из года в год
Едва ли даже гении былого
Смогли достичь намеченных высот.

Они ушли.
И мы путем не их ли
Пойдем за ними в свой последний час?
Но то,
Чего мы все-таки достигли,
Поможет тем, кто будет после нас.

СТЕПНЫЕ ДОРОГИ

Лежат в степи дороги.
 Они в твоей судьбе —
 Как правда о тревоге,
 О друге, о тебе.
 Дороги — словно годы:
 Они в твоей судьбе —
 Как правда о походах,
 О песнях, о тебе.

Негладкие дороги
 Раскинулись в степи:
 Хоть в кровь разбиты ноги,
 Мужайся и терпи.
 От жалоб мало проку:
 Под стать самой степи,
 Стань щедрым, стань широким
 И все перетерпи!

Лежат в степи дороги.
 Забудь про медный грош —
 И золотых в итоге
 Друзей себе найдешь.
 И мудростью в итоге
 Не посчитаешь ложь.
 Лежат в степи дороги —
 Какую изберешь?

РАВНОДУШНЫЕ

Скостились на собрании два хищника.
Во благо делу был затеян спор.
Но третий на собрании присутствовал,
Не замечая спорящих в упор,

Меня не беспокоит пафос спорящих —
В их столкновеньях мыслей нет дурных.
Они придут к согласью.
Но тревожусь я
Всего сильней за третьего из них.

Те, двое, с хулиганом ночью встретившись,
Ему тотчас же загородят путь
И призовут его к порядку.
Третий же
Скорее уши поспешит заткнуть.

Двух первых поддержу я с удовольствием,
Не зря душа к ним тянеться моя,
Но третьего —
По виду безучастного —
Всего сильнее опасаюсь я.

... Тонул мальчишка.
Двое сразу бросились
За ним, не раздеваясь, в водоем.
Шел третий там своей походкой важною —
И не свернул, прошел своим путем.

Я с первыми двумя пойду в сражение,
Любые с ними не страшны пути.
Но с третьим же, мальчонку не заметившим,
Я бы в разведку не хотел пойти.

Жизнь щедро нас одаривает радостью.
 Одни — сердца распахивают ей,
 Другие от нее подальше держатся,
 Они и слышать не хотят о ней.

Нам каждый день свои приносит новости,
 Он полон интереса своего.
 Одни — ждут день грядущий с нетерпением,
 Другим неинтересно ничего.

Они живут — как за семью запорами,
 Отгородясь незримою стеной.
 И если говорим о недостатках мы,—
 Им люди равнодушные виной.

Они приходят только на готовое —
 И распознать легко их можно тут.
 Ну почему в такое время яркое
 Они, таясь от времени, живут?

Пусть птица счастья прикоснется к каждому.
 Пусть перед нею будут все равны.
 Но неужели
 Дни и годы мирные
 Им, равнодушным, вовсе не нужны?!

Ч8820\

Гавлодарская областная
 библиотека
 им. С. Тарасова

СЧАСТЛИВОГО ПУТИ

Кто рассчитает —
Под гору иль в гору
Мы путь осиливаем второпях?
Зимой ли?
Летом ли?
В иную ль пору?
В машинах? В самолетах? В поездах?

Зовет дорога.
Кличет вдаль дорога.
Собою лечит от былых обид.
Чем дальше отошел ты от порога,
Тем больше стал судьбе своей открыт.

Что впереди?
Одно наверняка мне
Известно, что дорога суть молва:
Ведь есть слова тяжелые, как камни,
И камни — как тяжелые слова.

А я тебе машу рукою снова —
Машу твоим шагам и мыслям
В лад.
Счастливого тебе пути: такого,
Который возвращением чреват!

ХЛЕБОРОБ

Лишь честный труд
 Приносит людям счастье.
 За жизнь мы платим трудовой ценой,
 И, без сомненья, каждый труд почетен,
 Хоть и особен все же труд любой.

Он требует и мысли, и терпенья...
 И все ж прошу простить меня, когда,
 С почтением относясь к любому делу,
 Скажу о сути одного труда.

Да, все важны:
 Шахтер, чабан, ученый,—
 Их помнит с благодарностью народ.
 Тому ж, кто жизнь связал с Великим Хлебом,—
 Всегда у нас особенный почет.

С восхода солнца до его захода
 Ему хватает всяческих забот:
 Задерживает снег зимой на поле,
 Когда пурга безжалостно метет.

Ни стуже не сдается он, ни граду,
 И над землей склоняется без сна.
 За пахотою — сев. И не заметишь,
 Как быстро для него пройдет весна.

Когда же хлеб вовсю заколосится,
 Он вновь выходит на передний край,
 И как в бою, он не жалеет силы,
 Сражение ведя за урожай.

Но вот дожди холодные начнутся,
И ранняя сойдет на землю тьма.
И будут полнится зерном тяжелым
Страны моей большие закрома.

Мы с хлеборобом видимся не часто,
Но мы о нем с любовью говорим.
Как не гордиться, как не восхищаться
Его трудом и даже им самим?!

Мой современник, собственным усердьем
Ты приумножить этот труд изволь
И непременно вспомни хлебороба,
Когда тебе подносят хлеб и соль!

* * *

Мне слово «перестройка»
И ныне чтить, и впредь.
В мир входит перестройка —
Как это не воспеть!

И мысли разногланово
Летят ко мне в пути:
Что подновить?
Что заново
До неба вознести?

Вопросы...
Обступили
Меня они в упор.
Мы темы не закрыли —
Идет наш разговор,

Честней, полней и шире
Идет о всех о нас,
О том, как жить нам
В мире
В грядущем и сейчас.

О солнце и туманах,
О лете и зиме.
О ливнях и буранах,
О ясности и тьме.

Морям
Дышать нам в лица,
Являя мощь и прыть.
Взлетать над степью птицам,
Над рощами кружить.

Детишкам бегать бойко
В садах, копящих тень.
Тянуться новостройкам
Все выше что ни день.

Звучать природным гимнам.
И стиль наш в том как раз,
Чтоб все отдать другим нам
Из лучшего при нас.

Века и расстоянья.
Реалии и сны.
А вот свое сознанье
Мы обновить должны.

И гласны, а не немы,
Должны, смирив восторг,
Свой путь
Осмыслить все мы
И выполнить свой долг,

Должны,
Стремясь к свободе,
Заботиться в судьбе
Сначала о народе,
А после — о себе.

Сначала об отчизне
И о ее пути.
Должна нас всех
По жизни
Ответственность вести.

Должны мы вдохновенно
Спешить по вехам дней,
Жизнь, в общем,
Неизменна,
Но нам — меняться в ней.

ЖАЖДА ЖИЗНИ

Мчаться мысли, мчусь я вместе с ними,
Познавая землю и людей,
Жажда жизни, видно, не остынет,
Мчусь пока по тропочке своей.

Словно не оканчивалось детство,
Хочется во всех – друзей найти,
Пристально мне хочется взглядеться
В каждого, кто встретится в пути.

Кто сказал, что человек не волен
Выбрать путь, что случай сир и сер?!
Каждый человек подобен школе,
С лучших я стараюсь брать пример.

* * *

Не о себе я думаю, мой друг.
 И строже я смотрю на мир, и шире.
 Уснуть ли мне спокойно,
 Коль вокруг
 Дела лихие происходят в мире?

А я живу,
 Не бой, а мир ценя.
 Я говорю со всей своей страною:
 Пусть мирно век бурлит вокруг меня!
 Пусть будет мирным небо надо мною!

Не о себе веду я разговор.
 И хоть враги следят за мной, возможно,
 Пусть на границе нынешней
 Затвор
 Не клацает угрюмо и тревожно.

Не о себе я думаю —
 О ней,
 О родине, что песнями богата.
 Увидеть бы на свалке наших дней
 Оружье, грозным бывшее когда-то.

Не о себе я думаю сейчас,
 Хоть сплетни
 В путь пустились неизбежный.
 Мне сохранить бы главное для нас —
 И эту степь, и этот мир безбрежный.

А будет мир —
 Мне в нем вершить полет,
 Дышать, любить, одолевать заботы.
 Нас время удивительное ждет —
 И хватит в нем для каждого работы.

На горы древние облокотясь,
Вдыхать бы утра,
Словно вдохновенья.
И пусть с моей эпохой
На связь
Грядущие выходят поколенья.

Что, степь моя, тебя с годами ждет?
Что в них рассчитано и что случайно?
Чем удивишь людей ты
В свой черед?
Какие нам еще раскроешь тайны?

КРАСОТА

Мы знаем:
Все в ее великой власти,
Мы видим:
Так бывает на веку,
Что здесь она открыто дарит счастье,
А где-то — лишь страданья и тоску.

Нет, нет, о ней раздумья не сумели
Меня в тупик бесплодный завести,
Хотя одни с ней достигают цели,
Другим она — помехою в пути.

И есть в ней,
Есть неведомая тайна,
Сердца смущающая и умы.
Лишь перед красотою не случайно
Дыхание придерживаем мы.

Горящие к ней обращаем лица.
Но, здраво оценив свои черты,
Собою восхищаться и гордиться,
Поверьте, не достойно красоты.

Влечет очарованьем
Мир окрестный,
Разочаровывая на ходу:
В нем красота —
Как занавес чудесный,
Скрывающий иную красоту.

Вот тут — вблизи, а не на расстоянье.
А сдвинешь этот занавес — и вновь
Одни кусают пальцы в покаянье,
Другие славят вечную любовь.

А что дает тебе все это лично?
Чем жизнь твоя оплачена сполна?
Ты ценишь красоту?
Ну что ж! Отлично!
Но ценит ли, скажи, тебя она?

Сто огорчений, тысячи сомнений
И в старицах гнездятся, и в юнцах.
И все же красоты бессмертный гений
Победно остается в их сердцах.

МОЛНИИ

Гром надо мной являет гласность,
 Дождь хлещет
 Добрый час подряд.
 И молнии в себе опасность
 Неукротимую таят.

Но мы разумно, а не слепо,
 Прицельно, а не наугад,
 Взмываем в сумрачное небо
 Всем молниям наперехват.

Взмываем в высин, видя дали.
 Под наковальный перестук
 Вот только что они сверкали —
 Косые молнии вокруг.

Ярились и слепили душу,
 Чтобы природе вопреки
 У наших ног кружить послушно,
 Поскуливая, как щенки.

Мы в былъ переродили небыль.
 Не пряча от стихии глаз,
 Чапан чернеющаго неба
 Мы с солнца
 Сдернули сейчас.

И пусть лжемолнии сверкают,
 Являя нам лжеторжество.
 Пускай они себя считают
 Опорой мира самого.

Пускай лжемолнии грозятся
Развить неслыханную прыть.
Пускай, пускай они стремятся
Тревогу в мире поселить.

Пускай лжемолнии ярятся
И полыхают надо мной.
Пускай, пускай они стремятся
Обвить собою шар земной.

Пусть в треске
Убеждают шири
Степей и океанских вод
В том, что в огромном этом мире
Им все известно наперед.

И пусть лжемолнии пугают
Иных в своей лжевышине.
Пускай подчас напоминают
Они о подлинном огне.

Промчатся без следов палящих
И скроются они из глаз.
А мы и молний настоящих
Не испугались в хмурый час.

Мы сами знаем, что нелепо
Пытаться нас остановить.
Огонь и гром —
Не вечно с неба
Себя на землю им стремить.

* * *

Где ты, слава?
Где ты, дело?
Где ты, значимость поста?
Человеком овладела
Хворь, похоже, навсегда.

Человек не то чтоб тает
На глазах в мельканье дней —
Человек себя считает
Выше всех и всех умней.

— Я бесценен! Я без фальши!
— Почему?
— А потому!
Человек не смотрит дальше
Очага в своем дому.

— Я не чувствую болезни!
Я землячество ценю!
К человеку бесполезно
Подступать семь раз на дню.

— Я родне не потакаю!
— Я вовек незаменим!
Есть на свете
Хворь такая —
Верх она взяла над ним.

Впрочем, за иные чувства
Доверяют ныне пост.
Те, в чьих душах было пусто,
Поджимают ныне хвост.

Подхалимам и хапугам
Истина урок дала:
Хватит восхвалять друг друга
За никчемные дела.

Человек, мы видим, болен:
Человек клюет на лесть.
Передать другим он волен
Эту страшную болезнь.

Он и прежде заносился.
И теперь свое берет.
Как бы тут не заразился
От такого весь народ.

Но поверьте,
Ложным страхом
Кое-кто объят вокруг:
Настоящего казаха
Не берет такой недуг!

* * *

Нельзя,— хотя бы даже ради дела,—
Вдруг измениться сложно и хитро.
Как черное не перепутать с белым,
Так зло вовек не выдать за добро.

Так суховей не принесет прохлады,
Так пламя не подружится с водой.
Так нам без масла
Не зажечь лампады,
Так ночью звезд не счесть над головой.

Так не склонить утес
К земным заботам,
Не победить в байге без скакуна.
И жизнь — без четких целей и полета —
Счастливой ли окажется она?

* * *

Его дорога — спутанная нить.
Он проявлял недюжинную прыть,
Чтобы, как ртуть,
Одно большое мненье
На сотни малых мненьиц раздробить.

При встречах, соблюдая этикет,
Он был не скончан на ласку и привет.
Его реченья светом озаряло —
Но это был такой холодный свет...

Казалось, он в руках своих держал —
Одновременно — розу и кинжал.
Но кто и на златом подносе
Тыкву
От яблока, увы, не отличал?

* * *

Пойми, вся эта правда
Тебе послужит впрок:
Ведь в жизни
Только правда
Способна дать урок.

А ты на все, признаться,
Присваивал права.
Так что же обижаться
На честные слова?

Гордился ты судьбою —
Судьбой за счет других.
Все двери пред тобою
Распахивались вмиг.

Мол, все к моим услугам.
Мол, с шиком я живу.
Мол, к избранному кругу
Причислен наяву.

«Хотя б с мизинец счастья!» —
Ты этот чтил режим.
И с тем ты не общался,
Кого считал чужим.

Кто вроде и не рядом,
С чиновной высоты
Хоть раз бы
Трезвым взглядом
Себя окинул ты.

Но в том ты по старинке
Уверен был вполне:
Мол, ни одной пылинки
Не отыскать на мне.

Дозировать, мол, просто
Мне правду и обман...
Но явно не по росту
Ты взял себе чапан.

Он не был обеспечен
Тобою в свой черед.
В сплошных противоречьях
Ты двигался вперед.

К своей карьерной доле.
К неверному пути.
Твой норов...
Далеко ли
Позволил он уйти?

Ты в том не смог признаться,
Что жизнь всегда права,
Так что же обижаться
На честные слова?

* * *

У времени такая прыть!
 Ах, мне бы время это
 О главном следует спросить —
 Да сам боюсь ответа!

А вдруг я на душу приму
 Неведомое прежде?
 А вдруг пойму,
 Что ни к чему
 Спешить к своей надежде?

Вдруг
 Временной замкнется круг
 Передо мной в молчанье?
 Я сам разочаруюсь вдруг
 В спокойном ожиданье?

Вдруг время
 Разговор такой
 Отсрочит со значеньем?
 Где мне тогда искать покой?
 В чём видеть утешенье?

А дни наращивают прыть.
 И, понимая это,
 У них о главном бы спросить —
 И честно ждать ответа...

* * *

Легко ли жить на свете
 Такому — на веку.
 Он мил и тем и этим.
 Юнцу и старику.

Для общих дел немало
 Он личных тратит сил,
 Юнцу и аксакалу
 Всегда, похоже, мил.

Не зря ж —
 По всем приметам
 Талантов не лишен —
 К душе и к той и к этой
 Пути находит он.

Но час встречает ранний
 С опаской оттого,
 Что тянут два желанья
 В две стороны его.

Гнетут его и гложут.
 Ну как тут — вот беда! —
 Себя любить и все же
 В почете быть всегда?

Как на вопрос ответом
 И свет хвалить и тьму?
 Не соглашаться — с этим?
 Поддакивать — тому?

Ему,
Кто так нечеток,
Усвоить бы одно:
«Поплыть за парой лодок —
Принуть, увы, на дно!»

Так говорят в народе.
И тот в ладу с судьбой,
Кто может жить в почете
И быть самим собою.

* * *

Ты по виду молодчина.
 Ты не грустен и слегка.
 А с чего — ясна причина:
 Власть в руках твоих пока.

Пусть грядет гроза любая,
 Молниями мир слепя.
 Пусть: ведь критика людская
 Все еще не про тебя.

Людям доброго словечка
 Не сказав в моем краю,
 Ты по тепленьким местечкам
 Рассадил родню свою.

Честь по чести
 С тем ты вместе,
 Чья судьба в твоей судьбе.
 Гонишь прочь того, кто честен,—
 Честность, виши, не по тебе.

На нее, мол, сердце глухо...
 Чем и как ты занемог,
 Что с одними — мягче пуха,
 А к другим — не в меру строг?

Ты от истины все дальше
 Дням наставшим вопреки.
 Ты в туман бредешь,
 Все так же
 Раздвигая тальники.

Ты по виду молодчина.
 Ты не грустен и слегка.
 А с чего — ясна причина:
 Власть в руках твоих пока.

Разве горе в жизни этой
 Стало горем для тебя?
 Разве счастье в жизни этой
 Стало счастьем для тебя?

Сколько ни хватай, известно,
 Этому наступит срок.
 Все, что ел и пил бесчестно,
 Будет, знай,
 Тебе не впрок.

Твой престиж — из пены.
 Сколько
 Их таких открылось вдруг!..
 Впрочем, ныне стало скользко
 Под ногами у хапуг.

Стало явным
 Их обличье
 Нам в республике любой.
 Тополь твоего величья
 Нервно дрогнул над тобой.

Это видят край и город.
 И тебе, другим под стать,
 На рубахе грязный ворот
 Самому пора стирать!.

¹Имеется в виду народная пословица.

ЗАВИСТЬ

Недуг опасный – зависть,
Никак не отстает,
И так порой терзает,
Что оторопь берет.

Служок сначала, сырость,
Почти безвредный грипп,
Но расплодится вирус –
И человек погиб.

И вот уже плетется
Завистник, погляди, –
Мрачнеет и плюется,
Что всюду позади.

И странно: неужели
Не видит, что вокруг?
Чем дальше, тем тяжеле...
В груди – клубок гадюк.

А между тем другие
Работою горды,
Оставят огневые
Весомые следы.

А тот, кто жил, как флюгер,
И злобой исходил,
Забьется в пятый угол,
Когда не хватит сил.

И ежели царапнет
Тебя такой микроб,
То прояви характер,
Лишь труд тебя спасет.

* * *

Не выструганную доской
Она легла ко всем порогам.
Нет, перестройка в наш застой
Вломилась новою дорогой.

Вломилась сложностью пути
От эйфории до досады.
Все будет, знаю, впереди —
Ухабы, петли и преграды.

Все будет — споры и мечты,
Сомненья и категоричность,
За новизну свои черты
Не сможет выдавать вторичность.

Злу не видать пока конца —
Но ведь добру открыта вечность.
И ставку делают сердца
На истинность и человечность.

Есть все возможности у нас
И жить, и проявляться смело.
Чего же мешкать нам сейчас?
Скорей, друзья мои, за дело!

От перестройки в стороне
Никто не сможет затаиться.
История в моей стране
Открыла новую страницу.

* * *

Когда о прошлом память оттесня,
Забудешь тех, с кем не сойдешься снова,
Остановись у вечного огня.
И вспомни их.
И подари им слово.

И ощути дыханье немоты,
Вглядись в огонь тяжелыми глазами:
Вот проступают зримые черты
Сквозь годы, расстояния и пламя.

Нам мертвые забвенья не простят,
В бою ли пали,
В мирное ли время.
Остановись и оглянись назад:
В том, что ушло,
Навеки наше бремя.

Нет горше доли — друга не найти,
Наедине остаться с откровеньем.
Пусть друг со мной останется в пути,
Чтоб годы обошли его забвеньем.

* * *

Зачем ты привол этот чёрный груз,
Смутил себя случайно ли, нарочно?
Я слов твоих припомнить не берусь,
Какими ты казнаєт меня звонко.

Не в силах прямо выдержать мой взгляд,
Ты ждал, скрываясь, моего паденья;
Вдруг поскользнусь,
Вдруг поверну назад,
Вдруг отступлюсь — тебе в успокоенье.

Для удивленья не хватило бы сил:
Ты за моей спиной,
Перед народом
Сперва мой дух словами очернил,
Затем строхи коснулся мимоходом..

Не тщусь понять,
Откуда эта злость.
Не тороплюсь к тебе я с оправданьем.
Нам место на одной земле нашлось,
К тебе ли обращусь с негодованьем?

Ты столько потерял в своей судьбе,
Злость возводя
В сложнейшую науку,
Что если горе выпадет тебе —
Я протяну тебе на помощь руку.

* * *

И снова я вижу улыбку твою.
И снова пред памятью тихо стою.
Давно на дорогах костры отгорели.
Зачем же ты мучаешь душу мою?

А годы —
К ним только ладонь протяни, —
Бесшумною птицей промчались они!
Но стоит улыбку твою мне увидеть —
И мечется сердце, как в прежние дни.

И манит он — твой затерявшийся след.
Уходит дорога в далекий рассвет.
Но как бы судьба твоя ни изменилась,
На свете роднее тебя все же нет.

Угасло ли пламя волос смоляных,
Дотронулся ль иней морозный до них?
Нас время коснулось особенной метой,
Но нежности голос во мне не затих.

Я вспомню березу.
И тонко звеня,
Она запоет из далекого дня.
И все же не надо назад возвращаться,
Хоть ты и находишь с улыбкой меня.

НЕ ЗАБЫВАЙ ТЫ ОТЧИЙ ДОМ

Ждет жизнь тебя бескрайняя, но все ж
Ты к цели обязательно придешь!

По морю жизни, по ее волнам
К высоким устремишься берегам.

Но никогда, чтоб ни было кругом,
Не должен забывать ты Отчий дом.

Иди вперед на голос высоты,
Утесы знаний одолеешь ты.

И может, если очень повезет,
Тебя любимцем назовет народ.

Но дальше будь от ложной красоты.
И Отчий дом повсюду помни ты.

Тебя поманят дальние края,
С тобой повсюду будет честь твоя.

Но теплоту родимого гнезда
Не отпускай от сердца никогда.

Не остуди любовь, что зреет в нем.
И помни, помни,

помни Отчий дом!

* * *

Ровесница моя,
О чём взгрустнула ты?
Задумчивы твои знакомые черты.
И у тебя в глазах я различаю снова
Далекий светлый луч надежды и мечты.

И в глубине зрачков,
Таинственно светясь,
Рождается рассвет, легко касаясь глаз.
Да светится всегда в рассвете этом радость —
Приковывает взгляд к себе он в сотый раз.

О ком взгрустнула ты?
О ком твоя печаль?
Иль песней твой покой ему будить не жаль?
Иль, не сумев свое исполнить обещанье,
Твою мечту он взял и отодвинул вдаль?

О чём взгрустнула ты?
Не сбилась ли с пути?
Призвание свое сумела ли найти?
Исполненная дум о будущем и прошлом,
Ровесница моя, о главном не грусти.

Оно найдет тебя —
Но осторожной будь.
Легки твои шаги, спокойно дышит грудь.
Ровесница моя, пусть будет неизменно
И ярок и высок тебя позвавший путь!

* * *

Я много ездил, езжу, ездить буду.
Известна мне экзотики цена.
Но где бы ни был,
Тосковал повсюду
Я по тебе, родная сторона.

Мои глаза твоим горели светом,
Тебя я молча окликнул и вслух.
Спешил припасть
К тебе зимой и летом
И от недолгих уставал разлук.

Так в чем бессмертье твоего простора?
Какой — над сердцем —
Властью ты сильна?
Твои холмы, и реки, и озера
Всегда со мной, родная сторона!

* * *

Я поник, повседневности вторя,
Я лишился былого огня.
И к бескрайнему Черному морю
Потянула усталость меня.

Ни звонков, ни собраний, ни сроков...
Старый друг мне
По-прежнему рад.
Я молчу, и негромкие строки,
Точно волны, под сердцем шуршат.

СВЯЩЕННАЯ ЗЕМЛЯ

Я пору ту недаром добрым словом
 С волнением вспоминаю и сейчас,
 Мой брат перед войной
 Служил во Пскове
 И мне писал из армии не раз:

«Не просто по приказу, а с охотой
 Я побывал здесь не в одном селе,
 И счастлив, что хожу все эти годы
 Я по священной пушкинской земле.

Здесь строки благородные, как знамя,
 Несут над миром сокровенный свет.
 Читай, братишка, Пушкина.
 Не знаю,
 Придет ли в мир еще такой поэт!»

И становился в детстве я богатым,
 И радостью во мне сменялась грусть.
 В моей семье читали письма брата,
 А я запоминал их наизусть.

Я рос, заветной встречи ожидал.
 Я рос, пока брат мой службу нес.
 Но всхлинула Вторая мировая —
 Домой вернуться брату не пришлось.

Куда, куда от горя было деться?
 Я песен не слагал еще тогда,
 Но сквозь мое безоблачное детство
 Жизнь брата пролетела, как звезда.

Теперь я рос, тому сознанью внемля,
Что грозным днем,
Что беспощадным днем
Мой старший брат прикрыл собою землю,
Которую мы пушкинской зовем.

За Родину — за русского поэта
Погиб казах на Псковщине в бою.
Теперь я знаю: повлияло это
На жизнь и на профессию мою.

Навеки Пушкин стал моей судьбою
С тех детских дней,
С тех отдаленных дней.
Его стихи, как небо голубое,
Меня затягивают все сильней.

И мне светло и чисто в небе этом,
И я, казах, душой тянуться рад
К мечтам и думам русского поэта,
Которого открыл мне старший брат.

ПОЧЕМУ ТАК?

Возьми и жизнь мою, и это слово,
Возьми и не суди меня сурово
За то, что юное твое лицо
Передо мною возникает снова.

Дни, как мгновенья, мчались без возврата.
Куда б ни шел — с восхода до заката
Я слышал серебристый голос твой.
С тобой была моя душа крылата.

Ты в памяти — рассветной тишиною,
Ты в памяти наедине со мною.
Но почему бессилен человек
Перед любовью, как перед виною?

Через неделю,
Через год ли — все же
Ты позабудешь обо мне, быть может.
Но вновь меня зовет твое лицо,
И снова голос твой меня тревожит...

* * *

Перестройку кто-то понимает
Просто: все, что было — отменяет...

Нет и нет! Такое не случится.
Так же утром солнышко лучится,

Предвещая детям день счастливый.
Так же дождь шумит над хлебной нивой.

И сверкают окна новостройки...
В чем я вижу корень перестройки?

В наших душах, чтобы чище были,
Не тускнели от мещанской пыли.

В нашей правде, горькой зачастую,
Но полезной — примем лишь такую.

В нашей жизни, честной и открытой,
На весь мир делами знаменитой...

* * *

Обижайся, не обижайся —
Правду выслушай первый раз.
И безвинным не притворяйся —
Этот трюк не пройдет сейчас.

Ни тревог, ни душевной боли
В нелюдимой твоей судьбе.
Не заслуги, а пост позволил
Припеваючи жить тебе.

Не сочувствия, не участия.
От забот людских в стороне.
Ты молил: «Хоть с мизинец счастья
не кому-то, а только мне».

Разучился краснеть, стыдиться.
Барский окрик: «Я так хочу!»
Ты хотел чапаном укрыться
не по росту, не по плечу...

Разве ты, хоть теперь признайся,
Всех ошибок своих не знал?
Обижайся, не обижайся,
Но я правду тебе сказал.

* * *

Путь служебный извилист и крут.
Как втереться в доверие всем,
чтоб отметили скромный твой труд?
Как понравиться этим и тем?

Мненья нет своего — нет лица.
Не дают ни работать, ни спать
два желанья, два разных конца...
Он не знает, к какому пристать.

Вот и мучается потому,
словно качкой и впрямь заболел.
Он кивнул головой одному
и другому поддакнуть успел.

Потеряешь свой голос — беда.
У народа сужденье одно:
«Кто плывет и туда, и сюда,
 тот не к цели спешит, а на дно!»

* * *

И должность, и славу по чину —
все-все потерял он вдруг...
Землячество — вот та причина,
что превратилась в недуг.

Когда до начальника вырос
и думал: «Незаменим!»,
В тот миг разлагающий вирус
уже породнился с ним.

На манио это похоже:
Мечтал, выставляя грудь,
среди словесний расхожих
величье свое раздуть.

Себя окружал он «своими»,
чтоб польза от них была.
...Его, уж не властное, имя
звучит, как диагноз зла.

Болезнь эта к прошлому тянет,
заразу передает.
Да только она не пристанет
к тебе,
мой родной народ!

* * *

Ныне думаю не о себе.
Даже ночью частенько не спится.
Кто ж печется о личной судьбе,
если в мире такое творится?

Пусть встречаются люди Земли.
Пусть сердца их не трогает стужа.
Чтоб друг друга увидеть могли,
Мы расчистим завалы оружья.

Только гляну, что ждет впереди,
словно выход открою заветный —
и обиды растают в груди,
и отстанут бездарные сплетни...

Степь родная, как ты хороша!
В бурной жизни не просишь покоя.
Что ты скажешь, чтоб пела душа?
Чем порадуешь братство людское?

КАРАОТКЕЛЬ

Земля родная,
 я не вернулся,
 да, это правда,
 искал призванье...
 Караоткель моя,
 не волнуйся,
 не помышляю об оправданье.

Пришла пора подводить итоги.
 Сама решай,
 если даже горько...
 Но где бы ни был,
 в любой дороге
 я песни пел о тебе —
 и только!

И вот,
 взобрался на гору песен,
 склоняю голову виновато...
 Друзья с трудом узнают собрата,
 но образ твой и сейчас чудесен.

Караоткель, ты меня обнимешь,
 с тобой я был —
 что ж, что в мыслях?! —
 вместе,
 всплакну нечаянно я от вести,
 что ты меня без обиды примешь...

Как бы склоняясь ко мне с вопросом —
 «А, это ты, наконец, явился»,
 ко мне мечтательный лес склонился,
 тянусь обняться к его березам.

Я помню — песни еще не пелись,
но лес мне тайны шептал мохнато,
была загадочная в нем прелесть,
он и поныне волнует свято...

А из-за леса — то приглушенно,
то звонкой песней необъяснимой —
он отзывался, качая волны,—
Иртыш могучий, неукротимый!..

А еще дальше —
девчонкой милой,
с повадкой павы,
звездою синей,
за перевалом,
одетым в иней,
тот город прятался тополиный...

Нет, не угасли мечтанья детства!
Превозмогая житейский холод,
мне открывалось свежо и дерзко,
какой он есть —
настоящий город.

И все же, связанный с городами,
не променяю на них раздолье —
где, сжатый реками и лесами,
аул мой виден,
как на ладони.

Караоткель,
ты родник былого,
когда-то виделся исполином,
а земляки окружают снова
меня
в родимом краю былинном.

Друзей черты узнаются в детях.
Я стал, наверное,
очень старым...
Родной аул мой,
ты не приметил,
где домик тот, что стоял над яром?!

* * *

Я не боюсь закончить путь земной
и юрту жизни навсегда оставить...
Никто не вечен в мире под луной.
Нам жизнь дана, чтобы ее восславить!

Я не боюсь житейских передряг,
и я ведь след оставил в жизни этой.
Пусть камень в спину мне нацелит враг —
Жизнь верную на нем поставит мету.

Я не боюсь. Пряма моя дорога,
и если даже рок нагрянет вдруг,
лишь об одном томит меня тревога:
нет, быть не может, что обманет друг...

* * *

Я оглянусь на минувшее — там
многое мне скорректировать нужно,
кроме единственной ценности — дружбы...
Вот — славословие нашим друзьям.

Ибо никто не умеет один
в мире блестать, даже золото меркнет...
Верный мой друг, время — это проверка,
что перед временем слава иль чин?

Не притворяется истинный друг.
Верность от века имеет законы.
Каждое утро — а их миллионы —
солнце выходит на заданный круг.

* * *

Ты думаешь: таких поэтов много,
Что ж, мир богат миллионами умов...
Пусть никогда не дотянусь до бога,
но врать не буду, словно Хлестаков!

Кто любит жар, кто — запредельный холод,
но пусть благоухают все цветы.
Прислушайся, сад соловьями полон —
они поют на разные лады...

Один из многих я,
но вместе с веком
по-своему гореть и петь готов...
Что главное?

Для будущих годов
остаться настоящим человеком.

* * *

Степь, колючая степь между нами простерта,
между нами иные земные края...

Мое сердце взлетит, как из аэропорта,
на свиданье с тобой, дорогая моя...

Что мне зимней земли вековая безбрежность,
если голос души обручили нас навек?
В жизни главное — веровать в радость и нежность,
только этим, быть может, богат человек!

Я тебя не отдам, дорогая, другому —
в самом сердце струится прекрасный твой свет.
Путь далек к твоему заповедному дому,
но ведет меня жизнь за мечтою вослед...

* * *

И я бывал за рубежом,
посланец Родины великой...
С улыбкой, словно бы с ножом,
тебя встречает гид двуликий.

Поездку эту не сравню
с увеселительной прогулкой,
не зря на пестрых авеню
мрак ощетинивался гулкий.

Иная жизнь и ритм иной.
Ты знай, в далекий путь готовясь,
что ждет тебя незримый бой —
проверка на любовь и совесть.

Неведомо, кто враг, кто друг
средь лимузинов и рекламы,
Но крепок и силен твой дух:
Отчизна в сердце, как во храме.

Поверь, я чувствовал себя
посланцем своего народа:
Его любовь, его свобода —
Навеки и моя судьба!

Слова, что сказаны тобою,—
Не речи частного лица:
Они, по сути, поле боя
против врага и подлеца...

За дальним пологом тумана
Я чувствовал свою страну:
Родные степи Казахстана,
Его простор и глубину.

Когда под самолетный вой
закончилась поездка эта,
я знал, что я исполнил свой
долг гражданина и поэта.

НОВОГОДНЯЯ БАЛЛАДА ЛЮБВИ И БОЛИ

Впервые за тридцатипятье
совместных мыслей и забот
один встречаю Новый год —
моя любимая далече,
и одиночество грядет...

Мы вместе преодолевали
за перевалом перевал,
и я среди земных аварий
о будущем не горевал...

Мой друг, в житейской круговерти
я даже не подозревал,
что крюк опасности и смерти
с любимой нас подстерегал.

И мысль о том невыносима,
как забытье, как тяжкий сон,
что опрокинутой машиной
на нас метнулся небосклон!..

Зачем жестокая судьбина
нас стерегла в глухой степи,
надежды и мечты разбила,
шепнув с усмешкою: терпи.

В степной сгущающейся сини
ночные люди издали
нас извлекли из-под машины,
от неминучего спасли...

Как плач верблюдицы по сыну,
так в душу бедную мою
судьба впечатала картину —
мою разбитую семью...

Заледенелая дорога —
огонь, железо и кювет,
что делать дальше, ради бога? —
неясно, тот иль этот свет.

Мы живы, но такого мига
не пожелаю и врагу:
приняв всю боль и тяжесть мира,
ты замирала на снегу.

Как изменился лик твой нежный,
с трудом дышала ты, хрипя,
и взгляд погаснул безнадежный,
и я не узнавал тебя...

Исполнив женщины призванье
от века жертвовать собой,
ты вызвала судьбу на бой —
о, как смягчить твои страданья?

Ты канула прекрасной птицей, —
кто знал за несколько минут,
что близлежащею больницей
счастливый кончится маршрут?

Мы тридцать раз с тобой встречали
одним дыханьем Новый год,
и вот я в скорби и печали,
и одиночество гнетет...

Не в силах скрыть свою тревогу,
в метельных буднях бытия
трагическую ту дорогу
сквозь слезы вспоминаю я.

Мой друг единственный и нежный,
я увезу тебя домой,
в душе звучит, как кюй надежды,
твой гулкий пульс и голос твой.

Ты, знаю, выйдешь мне навстречу,
прекрасна, как весна в горах,
как лебедь, рвущийся под вечер
на переломанных крылах...

Совместной болью и любовью
я все страданья претерплю
и вымолю тебе здоровье —
с такою силою люблю...

1979 г.

РАЗГОВОР С ТАРАСОМ ШЕВЧЕНКО

Я снова в Киеве. Великий Киев —
Древнейшая столица на Руси.
Он взлеты знал и времена лихие —
О том любого школьара спроси.

Но я узнать совсем другое должен.
Мне покажите неприметный дом,
Где жил поэт, или бывал, быть может,
Давным-давно. В столетии другом.

Я говорю про странника Тараса,
Его судьба коснулась многих нас.
Ведь Казахстан — печальнейшая трасса
Таких же ссыльных, как поэт Тарас.

Его глазами степь былую видим.
Он первый живописец наш.
Пусть царь обидел, бог же не обидел,
Дав дивный дар и резвый карандаш.

Понятны мне мятежный дух поэта,
Тоска его о берегах Днепра,
Когда кругом безоблачное лето,
Заплачет горько вдруг навзрыд домбра.

Мы помним все. Немало поколений
Ушло. Другие имена взошли
С тех давних пор, когда гонимый гений
Стоял у Каспия — на краешке земли.

Знавал он штурм и гневный рев Аракса
И соль устало утират со лба.
Велик Аракс. А нынче что с ним стало —
На волоске висит его судьба.

Лишь на рисунках ссыльного солдата
 Еще он жив. И контур берегов
 Совсем иной — каким он был когда-то
 Для прадедов — аральских рыбаков.

Какими знал он — берега Арала,
 Какими их влюбленно рисовал!
 И жадно молодая грудь вдыхала
 Ветра твои соленые, Арал.

Неужто все! И раковине уха
 Уже не слышать волн аральских гул?
 Неужто все! И дно морское сухо.
 И омертвел прибрежный саксаул.

Сплошная соль. В свидетели Тараса
 Зову уже в который раз:
 Поведай нам, как степь была прекрасна,
 О море бурном расскажи, Тарас.

Своей бедой делюсь я неохотно,
 Но эта боль, как памяти провал,
 Неужто только на цветных полотнах
 Останется взволнованный Арал?

НЕУМЕСТНАЯ ШУТКА

Была удачной встречा:
Сойдясь под общий кров,
Мы вспомнили за вечер
Десятки вечеров.

Да, прожито немало:
Не зря нам смотрят вслед
Ряды и перевалы,
И дел, и зим, и лет.

В бессилии и в силе
На всех, шагая в даль,
Мы поровну делили
И радость, и печаль.

И трудные решенья...
На крыльях тех минут
Полет воображенья
Был красочен и крут.

Казалось мне, я песней
Шептал о днях былых...
Вдруг сердцу стало тесно
В груди моей на миг.

И слезы на ресницах
Нависли тяжело.
С любым из нас случиться
Такое вдруг могло.

Друзьям тревожно стало.
И бледен, как стена,
Склонился я к бокалу
Некрепкого вина.

А кто-то не в обиду
 Над ухом произнес:
 — Наверно, ты для виду
 Расстроился до слез?

Дышал мне кто-то в ухо,
 Шутил со мною зло...
 В горлани стало сухо,
 Язык во рту свело.

Я позабыл былое.
 Я чувствовал: всерьез
 Вошел в меня стрелою
 Коварный тот вопрос.

Ну, вот еще забота!
 И сразу — свет не мил?
 Да просто это кто-то
 Неловко пошутил!

Смотреть не надо косо
 На свет,
 На тень,
 На тьму!
 Но суть того вопроса
 Я что-то не пойму...

Мне с ним покоя нету,
 Поскольку он — вопрос,
 Который ждет ответа
 Не в шутку, а всерьез.

Я знаю, хоть случайно
 Тут грубым быть нельзя:
 Есть в мире слезы,
 Тайны,
 Разлуки и друзья...

* * *

Как много в юности друзей
до срока зрелости твоей,
В цветущих розах все сады,
но их шипов не видишь ты.

Как много в юности друзей,
когда плывешь в угаре дней,
когда до славы — «час, другом»,
да что там час —
подать рукой!

Как много в юности друзей,
ты с ними кажешься сильней,
И вдруг
вот тот — «кто всех верней» —
тебя предаст в один из дней.

И ты поймешь,
что друг не тот,
кто в дни побед с тобою рядом,
что произносит громкий тост,
на взгляд твой отвечая взглядом.

Нет, их, застольных, тот заменит,
кому чужда в беде измена,
кто рядом встанет в час любой
и даст твоей беде — свой бой!

* * *

Какой счастливый день, как будто снилось детство, —
Мечта моих друзей негаданно сбылась.
Какое счастье, и делиться есть с кем,
и проза дней
стихом отзвалась.

Мой быт разбужен старым другом смело —
ему жена в дом сына принесла!
Другой мой друг совершил признанья дело,
и слава вновь
не зря его нашла!

Еще один мой друг в счастливой суматохе,
Он созывает нас на новоселья пир.
И улыбаюсь я, и говорю я тихо:
хочу, чтоб дом его
к удаче только плыл.

Какой счастливый день, как будто снилось детство,
Какое счастье, что делиться есть с кем!

* * *

Вечер. Ялта. Спокойствием море объято,
Только легким, прозрачным повито дымком —
И, как будто зовя на свиданье куда-то,
Огникою побережья мигают кругом.

Я смотрю на пейзажи, пылающие мимо,
Как внезапных гостей, я приветствую их!
Эта белая грива прозрачного дыма
Мне напомнила вихри буранов степных.

* * *

Водой обрызган каждый день,
Зеленою гривою покрыт,
Валун, как кособокий пень,
На берегу морском лежит.

Из всех нептуновых даров
Лишь тину взял он, вместе с ней
Как будто стал не так суров,
Как будто стал чуть-чуть добрей.

НОВОГОДНИЕ РАЗДУМЬЯ

Человечество вечно не знало покоя.
Было рабство,
И кровь проливалась рекою,
И засыпана пеплом Помпея была —
Человечеству выпало горя с лихвою!

До сих пор
Пред глазами фашистские печи,
Где сгорала в мгновение жизнь человечья.
Но и нынче еще на планете слышны
Об убийствах народов жестокие речи.

К человечеству вновь, как не раз уж бывало,
Угрожая, простерта рука капитала.
Или мы Хиросиму смогли позабыть?
Или нам Нагасаки по-прежнему мало?!

Век двадцатый не скуп на любые напасти.
Нам в лицо он еще одно бросил несчастье:
Есть индийский промышленный город Бхопал —
На него и свалилась беда в одноточье.

Кто без ужаса выслушал это известье?
Город весь был объят ядовитою смесью.
Не в бою,
не под пулями —
В мирных домах
Люди гибли, вдыхая отраву и страх.

Как свести — этот ужас и мирное время?
Кто незримо стоял за деяниями теми?
Тыщи жизней погасли и тыщи надежд,—
Не вернуть их усилиями нашими всеми.

Кто же те,
 Кто в трагедии этой повинны?
 Чей расчет гонит льдину столкнуться со льдиной?
 Кто пожертвовать будущим нашим готов?
 Для кого наша жизнь с нашей смертью едины?

А повинны тут те, кто делячеством живы,
 Кто терзает людей философией лживой,
 Кто чужие страданья не ставит ни в грош,
 Кто живет на земле только ради наживы.

Им не выпустить слабые души из плена,
 Им свободную личность душить неизменно.
 Их немного,—
 Но все они все же не прочь
 Завладеть и планетою всей, и Вселенной.

Их претензии слушать, конечно же, странно.
 Только время рассудит нас всех без обмана.
 Из уроков истории ведомо нам,
 Как судьба разрушает подобные планы.

Но во всех уголках необъятной планеты
 Мне встречались друзья, устремленные к свету.
 Они выбрали свой независимый путь
 И за будущее не боятся ответа.

Обретают народы свободу и силу.
 Человечность людские сердца покорила.
 И я верю, невежество и темнота
 Станут в будущем дне достояньем могилы.

В добрый путь!— говорю я такому движенью.
 Только честный одержит победу в сраженье.
 И становятся былью те сказки, где зло
 От добра принимает свое пораженье.

Люди!

Что же мы спорим подчас по-пустому?
Надо небу нам радоваться голубому.
Для чего нам бесплодные споры вести?
Блудный сын пусть вернется к отцовскому дому.

Угнетенный пусть освободится от гнета.
Разве жалостью мы осчастливим кого-то?
В наших силах добиться, чтоб стерты с земли
Были бедность, коварство, корыстные счеты!

Новый век

Скоро каждого примет под своды.
Пусть былье недуги излечат народы,
Чтобы не запятнать наступающий век...
Так я думал в преддверии Нового года.

* * *

Сбегал я на прибрежный мыс,
Где бьется пенный вал,
Я на джайляу пил кумыс
И на траве лежал.

Я выходил в степной простор,
Чтоб ширь вместить в себя.
Мне открывалась синь озер,
Прозрачностью слепя.

Я устремлялся в трудный путь
По горному хребту.
Мне крылья, распрямля грудь,
Дарили высоту.

На состязаниях, с конем
В одну сливаясь тень,
Я гнался за грядущим днем,
И настигал я день.

Мир прятал тайны, как скала,
В недвижимой груди.
И истина меня звала,
Маяча впереди.

Вот так — спешить навстречу дню,
Упрямо стиснув рот,
Всем телом наклонясь к коню,
Летящему вперед.

Потомок, пусть, сраженный в грудь,
Я упаду с седла,
Но помни:
Звонок был мой путь,
Звезда моя светла!

* * *

Две пары глаз меня
Сопровождают всюду.
Они, меня храня,
Готовы сделать чудо.

И летом, и зимой,
И дома, и в поездках
Они глядят порой
То ласково, то резко.

Жизнь щедро дарит нам
То радость, то печали.
Взгляни по сторонам,
Глаза тебя встречают.

Когда горит душа,
И множатся тревоги,
Я чувствую – спешат
Глаза мне на подмогу.

Мне с ними так легко
Все разрешить сомненья.
И снова – в непокой,
И снова – в треволненья.

Глаза мне – как маяк...
Чтоб плыл, не успокоясь.
Они – судьба моя,
И честь моя, и совесть.

ОГОНЕК В ЛЕСУ

Десяток тропок
 Или, может, сотни
 Мы перебрать успели наугад.
 Все гуще темнота.
 И только сосны
 Над головами нашими шумят.

Сырые пни топорщатся коряво,
 Под сапогами хлюпает вода.
 Кто нам ответит:
 Слева или справа
 Нас ожидают отдых и еда?

Сдается мне,
 Чаще нет предела
 И нет конца блужданию в потьмах.
 Каким ни будь
 Отчаянным и смелым —
 В лесу всегда испытываешь страх...

Сменяют направления друг друга,
 Хоть нужного из них — ни одного,
 И мы, наверно,
 Мечемся по кругу
 На привязи упрямства своего.

Наверно,
 Мы останемся навеки
 На этой неопознанной черте.
 Недаром же
 Слипаться стали веки,
 А ноги — заплетаться в темноте.

Недаром
 Срок всегдашнего терпенья
 В склонных утомительных истек...
 Но вдруг... Вон там...
 В какое-то мгновенье
 Вдали блеснул неяркий огонек.

Блеснул, казалось,
 С нокренним участьем.
 На тех, кто шел к нему издалека,
 Понеяло теплом, уютом, счастьем
 От этого лесного огонька.

Походов
 Жизнь немало нам пророчит...
 Но по каким просторам ни бреди,
 Ты должен верить
 И под сенью ночи
 В тот огонек, что где-то впереди!

СТОЙКОСТЬ

Иные — что под ветром струйка дыма...
 Но человеку честному она,
 Как воздух,
 Каждый миг необходима,
 Как хлеб насущный,
 Каждый день нужна.

Я знаю стойкость!
 Через все невзгоды,
 Через любые наслоенья зла
 В суровые и памятные годы
 Она людей в грядущее звала.

Она могла в работе проявиться,
 В поступках и дерзаниях ума.
 Она — не миг случайный
 И не птица,
 Садящаяся на руку сама.

Она будила в нас мечту о чуде,
 Будила веру в жизнь,
 А не в житье.
 И даже нерешительные люди
 Могли с годами обрести ее.

Хоть и доныне от пустого крика
 Нередко звон стоит у нас в ушах.
 Мой друг, в стремленье к истине великой
 Не отступай от правды ни на шаг!

Не обращай внимания на бойкость
 Иных упреков и иных обид,
 Стой на своем открыто:
 Только стойкость
 Тебя от всех нападок защитит.

И пусть один
Порвет с тобой на деле,
Другой уйдет в заботу о судьбе...
«Он не свернул с пути к заветной цели!» —
Потом они же скажут о тебе.

ЭТА ЖИЗНЬ

I.

Эта жизнь, я знаю неспроста,
 Только для завистника пуста.
 Неспроста:
 Ведь все его житье —
 Это лишь наскоки на нее.

Сам не спит завистник
 День и ночь,
 И другому от него невмочь.

Сам завистник злобствует всегда,
 И другому от него беда.
 Так иного хлебом не корми —
 Дай немного власти над людьми!

II.

Песней эта жизнь летит в зенит
 Для того, кто честен и открыт.
 Жизнь к тому добра и хороша,
 У кого богатая душа.

Забывай о собственных слезах,
 Луч рассвета проноси в глазах!

Не скрывай усталого лица,
 Согревай озябшие сердца.

Взвей мечту, отчаянье уйми,
 Для людей работай и с людьми.

Эта жизнь, я знаю, неспроста
Только для завистника пуста.

А для тех, кто честен и открыт,
Пусть судьба в веках ее продлит!

ПРЕКРАСНАЯ СУДЬБА

ПОЭМА

СВЕЖИЙ ВЕТЕР

Меня разбудило
то ль птичье пенье,
то ль ветер в саду...
Сон вошел в бытие.
Рабочее утро,
Как вдохновенье,
стучится в окошко
и в сердце мое.

Седой Алатау
извечно молод.
Хорошей
настроенности не тая,
к груди прижимает
Цветущий город...
О, как ты прекрасна,
Отчизна моя!

Стираются
душ разобщенных межи.
Цветут тополя.
Обновляется быль.
Такой же ветер,
по-горному свежий,
в нашей жизни подул,
выметая пыль.

Не речи были —
заздравные тосты.
Чиновник последний —
и тот пул земли.
А те, кто повыше,—
юнкими просто,
вели себя так,
словно с неба сошли...
...

По правде святой
утоляемажду.
Живем —
ненавидя, страдая, любя...
Меняется жизнь,
и сегодня каждый
начинать перестройку
должен с себя.

Кончилось царство
припоск и басен.
Человеку — простор,
нет ему цены.
Все выше рассвет...
Настрой мой прекрасен,
и строчки приходят,
что людям нужны.

ВЕЛИКИЙ КАРАВАН

Все чаще сходятся
дело со словом,
все реже неправда,
все меньше прикрас,
и даже мышление
стало новым...
Да, этот партъезд —
поворотный для нас.

Конечно, все может
еще случиться,
завалы старья
просто так не пройти,
но выверен курс...
Не зря говорится:
караван выпрямляется
лишь в пути.

Идет вперед
караван небывалый,
такому легко
не даются шаги:
некожен путь
и круты перевалы,
и пулями злобно
встречают враги.

Пред нами тот путь,
начертан который
самим Ильичом
и начертан навек.
Идет караван...
До залпа «Авроры»
был самым бесправным
простой человек.

Разве богатым
нужна справедливость?
Кто сильный, тот прав.
Царство вечного зла.
И люди сдавались
судьбе на милость,
своя же житуха
не в радость была.

Народы друг другу
считались чужими —
слепое поверье
во все времена.
А настоящая
дружба меж ними —
дороже, чем жизнь! —
Октябрем рождена.

Пусть ширится слава,
пусть с каждым годом
надежда на лучшее
крепнет в груди.
Идет караван,
и многим народам
как раз по дороге —
заря впереди.

Идет караван —
и даль распростерта.
Сияют глаза.
Не слабеет борьба.
В докладе съездовском
сказано гордо:
какая прекрасная
наша судьба!

ОТКРОВЕННЫЙ РАЗГОВОР

И раньше критику
критикой звали:
одним она — слабым —
сулила камчу,
других же — сильных —
пугала в начале,
в итоге —
поглаживала по плечу.

Кто кому близок —
вот верная виза
для всяких родственников
и аульчан.

Ведь если чуть дунет
критика снизу,
то сверху
обрушился ураган.

Уж так повелось,
что мнение свыше
всегда побеждало...

А тот, рядовой,
не лез на рожон,
старался быть тише,
а если и выступит —
голос не свой.

Товарищ, смотри:
новый день перед нами.
Лишь ей, справедливости,
нынче почет.
Она все свершит
своими руками
и камень тот черный
сплеча рассечет.

В такое время
все честное впору.
Нас партия
верным путем повела!
зовет
к откровенному разговору,
такому,
чтоб правда
вершила дела.

Побольше критики,
умной и смелой!
Эй, кто там хотел бы
стоять в стороне?
Министр и рабочий
за то, что сделал,
ответственность ныне
несут наравне.

Нужна справедливость
не ради жеста.
Пусть думы и чувства людские —
рекой.
Пусть каждый в жизни
найдет свое место,
ведь холмик не может
стать сразу горой.

ГОЛОС ПОКОЛЕНИЙ

I.

Ценю,
не бросаю на ветер слово.
Не сникну в беде,
дам отпор подлецу...
И если что взял
из гнезда родного,
тем прежде всего
я обязан отцу.

Над степью пронесся
ветер свободы.
Флаг красный взметнулся
в ауле родном.

Достались отцу
нелегкие годы.
То с баев боролся он,
то с кулаком.

Он толк понимал
в сельсоветском деле,
заглядывал
в будущие времена.
Остатки прошлого,
что подгорели,
по-активистски
соскребал с казана.

Сплотив бедняков,
беседовал часто,
завесу рассеивал
ложивой молвы.
Нередко такому
энтузиасту
все доброе
стоить могло головы.

Как вол, он впряжен
в свою работу —
такой уж характер
и жизненный пыл.
Себя не жалел,
и каплями пота
он землю иртышскую
всю окропил.

Да, начал трудиться
довольно рано,
почувствовал радость
лишь в общей судьбе.

О людях
заботился неустанно
и даже в нужде
забывал о себе.

Старанья его
не прошли напрасно.
Был счастлив он,
видя вчерашних сирот:
живут по-людски,
свой очаг не гаснет,
дом полон, как чаша,
семейных хлопот.

Все в жизни невзгоды
встречая смело
и веря
в народную власть до конца,
он труд свой вложил
в бессмертное дело.
Как прекрасна судьба
моего отца!

II.

Я помню:
еще щебетали птицы
и белые хаты
не тлели в золе,
еще светились
улыбками лица
и дети играли —
был мир за земле.

Я ждал из армии
старшего брата.

И встретиться с сыном
готовилась мать.
Мы знали,
мечту он лелеял свято:
учиться,
хорошим историком стать.

Я помню
уют вечернего часа,
все в сборе,
и брат говорил нам не раз:
«Отец наш окончил
четыре класса.
Учиться и дальше —
отцовский наказ».

И вдруг — война...
Шквал огня и металла.
И беды людские,
которых не счастье.
И дом наш однажды
не миновала
печальная,
невыразимая весть.

В двадцать один,
что прелюдия к жизни.
Шепот любви...
Ощущенье весны...
Много их было,
кто лег за отчизну,
за то, чтобы люди
не знали войны.

Я братом горжусь —
и его горенье
в груди у меня

каждый прожитый миг,
Держу на него,
как в строю, равненье,
стараюсь работать и жить
за двоих.

НАШ ОБЩИЙ ДОМ

I.

На общую лодку
Земля похожа:
и плыть, и тонуть —
наша участь одна.
По всей планете
усилия множа,
мы верим,
что мир победит —
не война.

Саманта нам стала
родной навеки.
Приезд ее к нам
светлой сказкой возник.
Без переводчиков
в детском Артеке
понятен ровесникам
дружбы язык.

В ее улыбке,
открытой и милой,
светилось гагаринское —
от души.
А в маленьких ручках —
большая сила;
Надежду подняли
средь мрака и лжи.

Похоже, что оттепель,
капает с крыши —
в сознание взрослых
приходит весна.
Как государственный
действитель высший
сдружить два народа
хотела она.

Прекрасна судьба —
быть вестником мира.
В сердцах у народов
оставила след.
Большой, грохочущий мир
покорила
своей хрупкой жизнью
длиной в десять лет.

Вот статуя...
В облике — праздник света...
Глаза что-то видят
в туманной дали...
Как ангел,
решивший спасти планету,
с тех пор и зовется она:
«Дочь Земли».

II.

В роскошные залы!
влюбленным не был.
Всегда был готовым,
хоть ночь, хоть заря.
Охотно он пел
под открытым небом,
всем людям простым
свои песни даря.

Ходил по Москве,
по тайге сибирской.
Куда ни поедет,
повсюду любим.
И все же была ему
самой близкой
родная страна,
разлученная с ним.

Что делает мирных землян
врагами?
Когда ж оборвется вражда,
словно нить?
Он пел —
и песня взлетала, как знамя.
И люди задумывались,
как им жить.

Мы все равны
пред свободой и честью.
Планета действительно
общий наш дом.
Он пел:
«Мы сильны,
если будем вместе.
Мы, за руки взявшись,
о дружбе споем!»

Песня бессмертна.
Из пепла воскреснет.
Лишь крепче становится
в пекле борьбы.
Вся жизнь Дина Рида
похожа на песню.
И нету на свете
прекрасней судьбы!

СОДЕРЖАНИЕ

Вступительное слово Б. Канапьянова	5
Зеркало души. Перевод Вл. Савельева	7
Доброта. Перевод Вл. Савельева	8
Товарищ Правда. Перевод Вл. Савельева	10
Одно слово. Перевод В. Широкова	12
Древние и мы. Перевод Вл. Савельева	14
Степные дороги. Перевод Вл. Савельева	15
Равнодушные. Перевод Т. Кузовлевой	16
Счастливого пути. Перевод Вл. Савельева	18
Хлебороб. Перевод Т. Кузовлевой	19
«Мне слово "перестройка" ...» Перевод Вл. Савельева	21
Жажда жизни. Перевод В. Широкова	23
«Не о себе я думаю, мой друг...» Перевод Вл. Савельева	24
Красота. Перевод Вл. Савельева	26
Молнии. Перевод Вл. Савельева	28
«Где ты, спава?...» Перевод Вл. Савельева	30
«Нельзя, хотя бы даже ради дела...» Перевод Вл. Савельева	32
«Его дорога — спутанная нить...» Перевод Вл. Савельева	33
«Пойми, вся эта правда...» Перевод Вл. Савельева	34
«У времени такая прыть!...» Перевод Вл. Савельева	36
«Легко ли жить на свете...» Перевод Вл. Савельева	37
«Ты по виду молодчина...» Перевод Вл. Савельева	39
Зависть. Перевод В. Широкова	41
«Не выструганную доской...» Перевод Вл. Савельева	42
«Когда о прошлом память оттесни...» Перевод Т. Кузовлевой	43
«Зачем ты принял этот черный груз...» Перевод Т. Кузовлевой	44
«И снова я вижу улыбку твою...» Перевод Т. Кузовлевой	45
Не забывай ты отчий дом. Перевод Т. Кузовлевой	46
«Ровесница моя...» Перевод Т. Кузовлевой	47
«Я много ездил, езжу, ездить буду...» Перевод Вл. Савельева	48
«Я поник, повседневности вторя...» Перевод Вл. Савельева	49
Священная земля. Перевод Вл. Савельева	50
Почему так? Перевод Т. Кузовлевой	52
«Перестройку кто-то понимает...» Перевод Л. Скапковского	53

«Обижайся, не обижайся...» Перевод Л. Скалковского	54
«Путь служебный извилист и крут...» Перевод Л. Скалковского	55
«И должность, и славу по чину...» Перевод Л. Скалковского	56
«Ныне думаю не о себе...» Перевод Л. Скалковского	57
Караоткель. Перевод С. Мнацаканяна	58
«Я не боюсь закончить путь земной...» Перевод С. Мнацаканяна.....	61
«Я оглянусь на минувшее — там...» Перевод С. Мнацаканяна	62
«Ты думаешь: таких поэтов много...» Перевод С. Мнацаканяна	63
«Степь, колючая степь между нами простерта...» Перевод С. Мнацаканяна.....	64
«И я бывал за рубежом...» Перевод С. Мнацаканяна	65
Новогодняя баллада любви и боли. Перевод С. Мнацаканяна	67
Разговор с Тарасом Шевченко. Перевод Г. Круглякова	70
Неуместная шутка. Перевод Вл. Савельева	72
«Как много в юности друзей...» Перевод Л. Палея	74
«Какой счастливый день, как будто снилось детство...» Перевод Л. Палея	75
«Вечер. Ялта. Спокойствием море объято...» Перевод Б. Кежуна.....	76
«Водой обрызган каждый день...» Перевод Б. Кежуна	77
Новогодние раздумья. Перевод Т. Кузовлевой	78
«Сбегал я на прибрежный мыс...» Перевод Т. Кузовлевой	81
«Две пары глаз меня...» Перевод В. Широкова	82
Огонек в лесу. Перевод Вл. Савельева	83
Стойкость. Перевод Вл. Савельева	85
Эта жизнь. Перевод Вл. Савельева.....	87
Прекрасная судьба. Поэма. Перевод Л. Скалковского	89

КНИГИ
АМАНЖОЛА ШАМКЕНОВА,
ВЫШЕДШИЕ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ:

ВСТРЕЧА. АЛМАТЫ, 1957.
ОТВАЖНАЯ ДУША. МОСКВА, 1958.
РАССВЕТ НАД ДЖАЙЛЯУ. АЛМАТЫ, 1965.
ЛИРИКА. АЛМАТЫ, 1967.
ГОРОД ЛЮБВИ. МОСКВА, 1969.
НАСТРОЕНИЕ. АЛМАТЫ, 1973.
ЦВЕТЫ НА СКАЛАХ. АЛМАТЫ, 1962.
СТРЕМЯ. МОСКВА, 1977.
МОЙ ГОЛОС. (ИЗБРАННОЕ). АЛМАТЫ, 1981.
НАМАСТЕ, ИНДОСТАН. (ОЧЕРКИ). АЛМАТЫ, 1983.
ВОСТОЧНЫЕ МОТИВЫ. МОСКВА, 1983.
ЗА ГОРАМИ — ГОРЫ. АЛМАТЫ, 1985.

Аманжол Шамкенов

**ЗЕРКАЛО ДУШИ
СТИХИ**

Перевод с казахского

Редактор - Асель Омар

Художник - А. Ахмедова

Корректор - С. Б. Локтева

Редактор компьютерной верстки - Е. Э. Щекина

Редактор компьютерного набора - К. Н. Абдиева

Сдано в набор 5.05.98. Подписано в печать 1.06.98.

Формат 60x84/16. Печать офсетная.

Усл. печ. листов 6,04. Тираж 500.

Заказ № 174.

**Издательский дом «Жибек жолы»
480091, Алматы, ул. Казыбек би, 50.
Тел. (3272) 62-11-09, факс (3272) 62-65-01**